

В статье рассматриваются некоторые особенности языка и стиля В. Богомолова: анализируется роль документов в общей структуре романа, особенности языка авторского повествования и приемы речевой характеристики персонажей.

Ключевые слова: *язык; стиль; документ; авторское повествование; речь персонажа.*

Роман В. Богомолова «Момент истины» (В августе сорок четвертого...), без сомнения, принадлежит к числу лучших произведений о Великой Отечественной войне. Неугасающий интерес к произведению во многом обусловлен не только его увлекательным сюжетом, но и сложной структурой, стилевым и языковым своеобразием.

Определив ход повествования в русле приключенческой и детективной литературы, писатель стремится максимально приблизиться к истине, рассказать правду о войне в лучших традициях русской классики. В своем дневнике В. Богомолов писал: «Интенсивно работал в библиотеках и прочел много книжек о войне, разведке. Не впечатлен. В художественном отношении очень слабые. <...> ...язык неважный, часто встречаются затасканные, “легкие” сочетания слов; довольно серые, очевидно “кабинетные”, пейзажи; громкие и неверные диалоги. <...> О неизвестном не надо писать! Нужно писать только о том, что ты знаешь сам и знаешь эту проблему лучше всех!» [<http://militera.lib.ru/prose/russian/bogomolov/13.html>].

Фактологическая точность достигается писателем за счет использования текстовых элементов, стилизованных под документы военных лет. Каждый такой эпизод романа строго выдержан в стиле служебных документов периода Великой Отечественной войны: снабжен соответствующим заголовком и пометой срочности, датирован:

Сафонова Татьяна Владимировна, кандидат филол. наук, доцент ФГБОУ ВО «Тульский гос. пед. ун-т им. Л.Н. Толстого».
E-mail: safonova76@mail.ru

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

Срочно!

Москва Матюшину

В дополнение к №... от 7.08.44 г.

Разыскиваемая нами по делу «Неман» неизвестная радиостанция с позывными КАО (перехват от 7.08.44 г. был передан Вам незамедлительно) сегодня, 13 августа, выходила в эфир из леса в районе Шиловичей (Барановичская область)¹.

Употребление различного рода онимов определяется необходимостью в официальном документе точно называть место и участников событий, указать армии, подпольные организации и пр., например:

Наибольшую террористическую и диверсионную активность проявляют отряды «Волка» (р-н Рудницкой пуши), «Крыся» (р-н гор. Вильнюса), и «Рагнера» (около 300 человек) в р-не гор. Лида.

В романе широко используется военная терминологическая лексика: слова, обозначающие лиц по роду военной деятельности (*офицер, начальник Генерального штаба, командир разведвзвода, партизан* и др.); слова, определяющие ранжировку воинских званий (*полковник, капитан, сержант, старший лейтенант, майор* и др.); виды родов войск, войсковых формирований (*контрразведка, пехотная дивизия, штурмовая дивизия*); слова, обозначающие военную технику, боеприпасы (*минометы, винтовки, автоматы, станковые пулеметы МГ, минометы* и пр.); боевые действия, способ поражения противника (*бое столкновение, прочесывание, обыск, засада* и др.); наименования военной документации (*сводки, шифротелеграммы, дешифровки, записки*) и т.д.

¹ Здесь и далее текст цитируется по изд.: Богомолов В.О. Момент истины (В августе сорок четвертого...). – М., 1986.

Тексты документов знакомят читателя с членами диверсионных групп, словесные портреты которых составлены по правилам розыскных ориентировок: оптимальная полнота описания и специальная терминология, последовательность описания по принципу от общего к частному, предполагающая указание демографических, антропологических, общефизических данных личности, особых примет и бросающих признаков, например:

ГУКР «Смерш» активно разыскивается представляющий особую опасность террорист, резидент-вербовщик германской разведки, важный государственный преступник Мищенко Иван Григорьевич, он же Томчук Сергей <...>, 1905 года рождения, уроженец гор. Сальска Ростовской области, русский из казаков, сын крупного землевладельца, есаула царской армии. <...> Словесный портрет: рост – выше среднего; фигура – полноватая; лицо – овальное; лоб – средний, прямой <...>. Особые приметы: говорит с уловимым южнорусским акцентом; ноги чуть кривоватые «по-кавалерийски»; в верхней челюсти справа на третьем и четвертом зубах металлические коронки.

Язык официальных документов определяет и точность в описании особенностей топонимики:

– Обилие лесистой местности, в том числе больших чащобных массивов, служащих хорошим укрытием для остаточных групп противника...

Сохраняя грамматику и фактические неточности в приводимых документах, автор еще раз подчеркивает их подлинность:

...Сопровождаемые командиром разведвзвода Героем СССР* лейтенантом Верещака и отделенным сержантом Баркуновым, прошли по траншеям батальона... (*Так и в документе. Правильно – Героем Советского Союза).

Данные фрагменты текста создают необходимый документальный исторический фон описываемых в романе событий, организуют повествование. «Документ выступает в роли своеобразного отчета, спрессовывает сюжет, выражая его точным временем, местом, конкретным делом, и тем самым подвигает действие романа» [Ворон 1991: 95]. И вместе с тем

документы во многом определяют стилевое и языковое единство текста: «Раздвигая рамки произведения и выполняя особые художественно-выразительные функции, документы, с одной стороны, оказывают влияние на авторскую речь своей немногословной строгостью, безличностью, или, напротив, интонационной побудительностью (*Сообщайте!*, *Доклаживайте!*, *Примите все меры!*), с другой – контрастируют с яркой речью персонажей» [Бессонова 2009: 216].

Действительно, авторское повествование в целом характеризуется лаконичностью в описании персонажей, их действий, места событий, достаточно небольшим использованием тропов, способных привнести в художественное пространство произведения излишнюю долю субъективности. «Не дай бог, моя повесть будет грешить многословием», – напишет В. Богомолов в своем дневнике.

Определяя истину в качестве основного критерия своего творчества, писатель передает повествование героям произведения: некоторые главы написаны от лица Алехина, Блинова, Таманцева, непосредственных участников операции «Неман». Кроме того, отличительной особенностью прозы В. Богомолова является преобладание несобственно-авторского повествования, т.е. фрагментов текста, включающих в себя описание и повествование с точки зрения персонажа, отражающих словупотребление героев в виде отдельных вкраплений, замаскированных цитат, не вычлениющихся из авторской фразы [Кожевникова 1971: 5].

В. Богомолов старается комментировать и оценивать происходящее от лица героев, максимально сближая свое восприятие и свой голос с их мыслями и речью, например:

Лес этот с узкими, заросшими тропами и большими участками непролазного глушняка местами выглядел диковато, но вовсе не был нехоженым, каким казался со стороны, – он был изрядно засорен и загажен войной. Разложившиеся трупы немцев в обмундировании разных родов войск, ящики с боеприпасами и солдатские ранцы... что только не встречалось на пути Андрею.

Речь идет о том лесе, который определяется в оперативной сводке как *большой чащобный массив*, субъективное восприятие непроходимых лесных зарослей Андреем Блиновым лучше всего передают сочетание разговорного прилагательного и диалектного существительного *непролазный глушняк*, а также наречие *диковато*.

Образное значение выражения *был засорен и загажен войной* конкретизирует распространенный однородный ряд субстантивов: *трупы немцев, солдатские ранцы, обрывки газет, пустые коробки* и т.д., что в целом позволяет дополнить, прояснить картину, увиденную героем, и одновременно выразить идею автора об огромной разрушительной силе войны, коснувшейся того, что веками сохраняло свою первозданную чистоту.

Трагизм человеческих судеб в годы войны – одна из ведущих повествовательных линий произведения. В. Богомолов так определял своей замысел: «Сделать второстепенных персонажей – Аникушина, Гролинскую, Шевчука и других – полнокровными образами. Показать через них время, обстановку, войну, меняющую и калечащую судьбы людей» [<http://militera.lib.ru/prose/russian/bogomolov/13.html>]. Создавая эти образы, писатель был предельно внимателен к деталям, позволяющим емко выразить авторскую идею:

Васюков, улыбаясь, переступил в сторону. И только тут Алехин заметил, что у мальчика нет левой руки: из короткого рукава рубашонки выглядывала необычно маленькая багровая культия. Алехин был несентиментален и за войну перевидел всякое. И все же ему сделалось не по себе при виде этого крошечного калеки, с такой подкупающей улыбкой смотревшего ему в глаза.

Ключевым в эпизоде, воспроизводящем события через сознание героя, становится выражение *маленькая багровая культия*, смысловая нагрузка которого усилена наречием субъективной оценки *необычно* и субстантивным словосочетанием *крошечный калека*. При этом соединение прилагательного *крошечный* ('очень маленький'), употребляемого, как правило, в выражениях *крошечный ребенок, крошечный мальчик*, и существительного *калека* ('че-

ловек, лишившийся какой-либо части тела') в данном контексте прочитывается как трагический оксюморон.

Проникновение речи персонажей в авторский нарратив прослеживается прежде всего на лексическом и фразеологических уровнях, в частности в широком употреблении профессиональных, жаргонных, просторечных слов и выражений, например: *чистильщик* (от *чистить* – 'очищать районы передовой и оперативные тылы от вражеской агентуры') – жаргонное обозначение розысника военной контрразведки, *карусель* – 'оперативное кольцо, созданное движущимися с одинаковыми дистанциями машинами'; *штрафник* – 'военнослужащий, направленный судебным решением в специальную дисциплинарную (штрафную) часть'; *стрельба по-македонски* – 'стрельба на ходу из двух пистолетов (или револьверов) по движущейся цели' и др.

Несобственно-авторское повествование как способ придания описываемым событиям достоверности используется В. Богомоловым и в кульминационной сцене задержания диверсионной группы. К отряду Алехина присоединяется помощник коменданта Игорь Аникушин.

Наблюдая со стороны за работой группы Алехина, Аникушин в своих воспоминаниях неоднократно возвращается к кровопролитным боям, участником которых был сам:

Ему вспомнились бои двухлетней давности – летом сорок второго, в районе Котельниково, под Сталинградом. Его рота – девятнадцать человек! – обороняла колодец. Обыкновенный колодец. <...> Выжженная солнцем трава... Зной... Пыль... Духота... <...> И за этой завесой наступали немцы: пехотный батальон – полного состава! <...> И сколько было еще таких боев... Жестоких! Смертельных! Неимоверно тяжелых!

И совершенно мирным, никак не связанным с опасностью и смертью, кажется Аникушину лес, в котором он оказался с отрядом Алехина, как не кажется ему сопоставимой служба контрразведчиков и солдат на передовой:

Ветер ровно шумел верхушками деревьев; в чистом крепком воздухе слышались голоса

природы... Казалось, здесь, на этом участке массива, никогда не ступала нога человека. И ничто не напоминало о войне... Перед ними открылась большая, окаймленная белоствольным березовым подростом, залитая солнцем поляна... Крохотные, совсем юные дубочки несмело выглядывали из высокой лопушистой травы.

Используя различные языковые средства, автор добивается яркого контраста в описании. Номинативные предложения с интонационной незавершенностью первого эпизода «выхватывают» главные детали обстановки, выражают весь ужас происходящего, его бесконечность во времени и пространстве (*Выжженная солнцем трава... Зной... Пыль... Духота...*), парцелляция (*Его рота – девятнадцать человек! – обороняла колодец. Обыкновенный колодец. И сколько было еще таких боев... Жестоких! Смертельных!*) усиливает данные смысловые оттенки.

Свойственные размеренному течению речи распространенные конструкции второго отрывка, напротив, передают полноту бытия, подчеркивают умиротворенность, спокойствие, царящие в природе. Контрастно маркирована и лексика эпизодов: *едкий дым – чистый, крепкий воздух; били из минометов и дивизионных пушек – слышались только голоса природы; пехотный батальон – полного состава – совершенно безлюдный; выжженная солнцем трава – залитая солнцем поляна* и др.

Резкое неприятие Аникушиным службы контрразведчиков подчеркивается прежде всего широким употреблением в речи данного персонажа слов и фраз с ярко выраженной отрицательной коннотацией: *перестраховочка, щенок, шерлоки, хмыри болотные, нажраться до отвала, для них законы не писаны, палят из пушек по воробьям, мозги компостирует, вас – как собак нерезаных, пуганая ворона и куста боится* и др. При этом ряд слов в иных контекстуальных условиях, нейтральных или обладающих положительной оценкой, в речи Аникушина приобретают отрицательное значение:

Бдительность, осторожность, осмотрительность! Мне твердят об этом, как маль-

чишке! <...> Я на фронте с первого года!.. Поверьте, бывал в таких переделках, по сравнению с которым ваша «операция» – просто загородная прогулка.

Задумав роман о контрразведчиках, В. Богомолов сразу же определил в качестве основной задачи разрушение стереотипного восприятия «особистов» как «привилегированных бездельников и людей с излишним самомнением», «кантующихся по тылам» [Богомолов 1986: 297]. Писателю было важно создать правдивые, живые образы разведчиков, показать читателям, что за сухим языком цифр и фактов стоят люди, выполняющие сложную работу. Каждый персонаж романа наделен своей историей, мыслями, чувствами, речевой индивидуальностью.

Показательным для В. Богомолова приемом характеристики героев является их речь: «...Необходимо индивидуализировать язык и лексику. <...> Диалог персонажей, быстрый живой и занимательный, должен вытеснить скучный, поучающий авторский монолог» [<http://militera.lib.ru/prose/russian/bogomolov/13.html>].

Наиболее ярким с этой точки зрения является образ Таманцева. Как самому опытному члену группы, в задачи которого входит непосредственный захват и обезвреживание противника, герою свойственно, пожалуй, самое активное использование военной терминологии и специфических жаргонных выражений: *треугольник ошибок* – ‘треугольник, образуемый синхронно точками пересечения слежечных пеленгов на искомый передатчик’; *предельный режим* – ‘проведение в оперативных тылах активных розыскных и самых ужесточенных контрольно-проверочных и заградительных режимных мероприятий по максимальному варианту’; *блокировать директрису* – ‘блокировать направление, в котором ведется или должна вестись стрельба’; *качать маятник* – ‘наиболее рациональные действия и поведение во время скоротечных огневых контактов при силовом задержании’; *волкодав* – ‘розыскник, способный брать живьем сильного, хорошо вооруженного и оказывающего активное сопротивление противника’; *парш* – ‘агент-парашютист;

более распространено: сильный, способный оказать серьезное сопротивление противник' и др.

Находчивость, эмоциональное восприятие событий, житейская мудрость определяют яркую афористичность языка Таманцева. В речи персонажа присутствуют как общезыковые фразеологизмы (у такого снега зимой не выпросишь; небо с овчинку покажется; кто кого сможет, тот того и гложет; как гора с плеч слетела; ищете и обряцете и т.п.), так и окказиональные единицы, тяготеющие к устойчивости (Пока что все это – фактики в мире Галактики! А она велика и бесконечна; Да тебе сразу отмерят... на полведра скипидара с патефонными иглками... и др.).

В зависимости от цели употребления образные высказывания Таманцева можно объединить в следующие тематические группы: 1) оценка ситуации, места события: историческое место; это тебе не мамочкина бахча, где каждый кавун знаком и лично симпатичен; на ходу я посоветовался сам с собой и был вынужден оценить ситуацию как весьма хреновую; 2) оценка окружающих: мысленно я ему аплодировал; Если и не бог, то, несомненно, его заместитель по розыску!; 3) самооценка: Был я тогда молодым и сопливым; Я чувствовал себя как опиравшийся пудель... Что называется, бледный вид и холодные ноги...; 4) педагогические сентенции: Кто же подходит к собаке с подветренной стороны?!; Держись бодро-весело; Не морщся – тебе не три годика!; 5) философские размышления: Жизнь – чертовски капризная штука. Изредка она улыбается, но чаще поворачивается задом и показывает

свой характер; Если судьба не закапризничает, не подведет; Ничем не рисковать – ничего не иметь. И т.д.

Варьирование фразеологизмов придает речи Таманцева живой, разговорный характер: Я понимал, что из огурцов, спички и примятости шубы не сошьешь; Причем это стреляные воробьи и весьма осторожные; С такими кашми не сваришь, даже из концентрата; Москва бьет с носка и слезам не верит и др.

Правдивость языка – несомненное достоинство прозы В. Богомолова. В каждом эпизоде, в каждой строке романа, в сложных сцеплениях всех элементов языковой структуры произведения писатель открывает читателям истину о войне.

ЛИТЕРАТУРА

Богомолов В.О. Момент истины (В августе сорок четвертого). – М., 1986.

Богомолов В.О. Пишется тяжело: Из архива писателя [Электронный ресурс] // «Военная литература» [сайт]. – URL: <http://militera.lib.ru/prose/russian/bogomolov/13.html> (дата обращения: 12.01.2016).

Бессонова Т.М. Документ как часть художественной структуры романа В.О. Богомолова «Момент истины» // Вестник ЧГПУ. 2009. № 11. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/dokument-kak-chast-hudozhestvennoy-struktury-romana-v-o-bogomolova-moment-istiny> (дата обращения: 30.01.2016).

Ворон Д.Д. Особенности сюжета романа В. Богомолова «Момент истины» // Научно-теоретические и методические аспекты изучения литературы. – Минск, 1991. – С. 88–100.

Кожевникова Н.А. О типах повествования в советской прозе // Вопросы языка современной русской художественной литературы. – М., 1971. – С. 97–163.